НАТАЛИЯ СОТНИКОВА

ФАВОРИТКИ И ФАВОРИТЫ

Мария-Антуанетта

Верховная жрица любви

Фаворитки и фавориты

Наталия Сотникова

Мария-Антуанетта. Верховная жрица любви

«Алисторус»

2022

УДК 82-84
ББК 84.3

Сотникова Н. Н.

Мария-Антуанетта. Верховная жрица любви / Н. Н. Сотникова — «Алисторус», 2022 — (Фаворитки и фавориты)

ISBN 978-5-00180-639-4

Ее сравнивали с самыми распутными женщинами истории – Мессалиной, Агриппиной, Феодорой; она заработала репутацию «верховной жрицы лесбийской любви». Ее расточительность считали основной причиной развала экономики Франции перед началом революционных событий. Ужасный конец на эшафоте под ножом гильотины окружил образ королевы Марии-Антуанетты ореолом мученицы. Что заставило короля Людовика XV избрать в жены наследнику трона Франции принцессу из стана бывших врагов? Почему брак короля Людовика XVI и Марии-Антуанетты семь лет оставался бездетным? Что связывало Марию-Антуанетту с ее фаворитками, принцессой Мари-Терез де Ламбаль и герцогиней Иоландой-Габриэль де Полиньяк? Почему королева так ценила общество своих фаворитов-мужчин? Кого считали истинными отцами детей королевской четы? При каких необычных обстоятельствах был зачат шведский король Густав-Адольф IV? Действительно ли шведский граф Аксель фон Ферзен был любовником Марии-Антуанетты? Почему провалился побег королевской семьи из Парижа? Была ли Мария-Антуанетта невинной жертвой Великой французской революции? Какую судьбу уготовило время детям и фаворитам казненных супругов-монархов?

УДК 82-84
ББК 84.3

ISBN 978-5-00180-639-4

© Сотникова Н. Н., 2022
© Алисторус, 2022

Содержание

Родные и придворные 8
Выбор невесты на фоне европейской политики 8
Бесцветная королева 11
Печальная дофина 14
Историческая тезка добродетельной дофины 17
Три сказочных принца 19
Услада старости короля 21
Невеста дофина 27
Конец ознакомительного фрагмента. 28

ФАВОРИТКИ И ФАВОРИТЫ

Наталия Сотникова
Мария-Антуанетта. Верховная жрица любви

издательство
РОДИНА

© Сотникова Н.Н., 2022
© ООО «Издательство Родина», 2022

Мария-Антуанетта, жена французского короля Людовика XVI Бурбона, урожденная австрийская эрцгерцогиня Габсбург-Лотарингская, сама по себе, в сущности, была личностью совершенно незначительной. Но в анналах истории она по масштабу приобретенной ею известности, можно даже сказать, прославленности, сумела занять место в одном ряду с персонажами, заслуженно стяжавшими себе бессмертие. Практически все факты ее жизни строго зафиксированы и преданы гласности; тем не менее, с завидным постоянством в свет выходят книги, как художественные, так и серьезные исторические, с явной претензией на то, чтобы сказать о французской королеве свое новое слово.

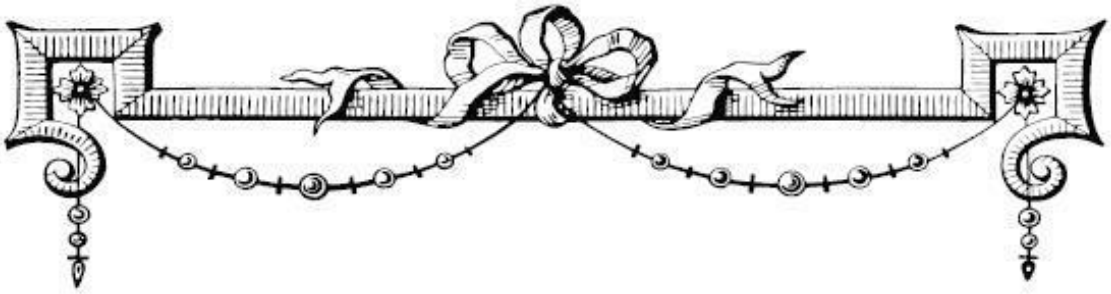
Эта книга на новое слово не претендует, хотя мне удалось включить в нее кое-какой материал, не публиковавшийся ранее. У россиян, надо сказать, сложилось весьма смутное представление как о Марии-Антуанетте, так и о Франции того периода. Здесь некоторую роль сыграли стереотипы советской историографии о прогнившем абсолютистском режиме правления, без-

ответственном короле и легкомысленной королеве-мотовке. Во Франции Марии-Антуанетте в период Реставрации династии Бурбонов постарались создать образ королевы-мученицы, заботливой матери, верной спутницы страдальца-супруга в годину тяжелых испытаний, и тщательно поддерживали его, не позволяя хоть чем-то запятнать эту икону. Так что конкретно известно нам об истинном облике этой жертвы своих страстей и приписываемых ей фаворитах? Давайте тщательно разберемся.

Эрцгерцогиню Марию-Антонию, дочь выдающейся австрийской императрицы Марии-Терезии, в 1770 году выдали замуж в 14-летнем возрасте за наследника французского престола. Это был чисто политический брак, призванный ощутимо подкрепить заключенный Версальский союзный договор 1756 года и предать забвению все воинственные разногласия, существовавшие между странами в течение двух столетий. Несмышленую юницу отправили с вполне определенной перспективой в должное время стать королевой Франции и оказывать нужное Австрии влияние на своего супруга. Для начала ей надлежало привыкнуть к нравам и обычаям нового двора.

Что нового обнаружила для себя эта полусформировавшаяся девочка, дочь добродетельной и безупречной в нравственном отношении матери, в Версальском дворце, истинном средоточии греха? Что ожидало ее в самом роскошном обиталище королей Европы?

Родные и придворные



Выбор невесты на фоне европейской политики

Для начала следует представить королевскую семью. Бурбонов, среди которых предстояло жить Марии-Антуанетте. Кагал был велик, и во главе его стоял Людовик XV (1710–1774), невзирая на преклонный возраст, все еще не утративший репутацию одного из самых красивых и любвеобильных мужчин Франции. Судьба его была необычной: он стал единственным прямым наследником короны самого большого королевства Европы в возрасте 5 лет, когда его, в буквальном смысле сходя в гроб, благословил на царствие прадед, великий Людовик XIV.

До официального коронования подростка всеми делами заправлял регент, племянник усопшего монарха, герцог Филипп Орлеанский (1674–1723), каковой промежуток времени ознаменовался исключительным падением нравов. В результате применительно к XVIII веку во Франции название сего периода – Регентство – совершенно закономерно превратилось в синоним слова «распутство». По кончине герцога в объятиях очередной любовницы подросток Людовик был коронован полноправным королем, хотя все дела вершились с ведома его воспитателя, кардинала Флёри. Но государь без спутницы жизни подле него являет собой всего лишь бесплотную тень, а потому чуть ли не немедленно встал вопрос о его женитьбе.

Проблемы брака монарших особ возникают практически в момент их рождения, ибо речь идет не столько о личном их счастье, сколько о благоденствии соответствующего государства. Когда Людовику исполнилось 12 лет, его в 1721 году практически принудили дать официальное согласие на брак с трехлетней испанской инфантой. Параллельно был заключен договор о союзе между дочерью регента, 11-летней принцессой Луизой-Элизабет Орлеанской, и наследным принцем Испании. На границе обеих стран состоялся обмен малолетними невестами, после чего малышку Марианну-Виктуар повезли в Версаль, дабы воспитать из нее будущую достойную королеву Франции. Было устроено несколько праздничных мероприятий, где ее представили как будущую королеву, а затем поместили в отведенные для нее покои под присмотром бывшей любимой воспитательницы Людовика XV, герцогини де Вантадур.

Будущая жена совершенно не нравилась Людовику, да и что могло связывать его с крошечной девочкой? По прошествии трех лет, когда он сильно возмужал, вопрос о его женитьбе уже стоял как никогда остро. Смертность в те годы была высокая, и ближний круг короля жил в постоянном страхе, что тот может пасть жертвой какого-нибудь инфекционного заболевания. Тогда к власти придет сын покойного регента, представитель младшей Орлеанской ветви, который приведет за собой когорту своих фаворитов, а старым придется подать в отставку.

Требовалось обеспечить престол наследником, но ждать, когда принцесса Марианна-Виктуар дорастет до детородного состояния, было слишком долго. К счастью для сторонников короля, ситуация сложилась таким образом, что вышедшая замуж за короля Луиса I принцесса Луиза-Элизабет Орлеанская вскоре овдовела, и был произведен обратный обмен:

вдову четырнадцати с половиной лет забрали в родные пенаты, а семилетнюю Марианну-Виктуар побыстрее отправили домой. Королевский совет же засел за подбор кандидатуры невесты для молодого короля. Надо сказать, что основными лицами, ведавшими подбором невесты, были тогдашний премьер-министр, герцог Бурбонский, которым вертела, как хотела, его любовница, прекрасная и амбициозная маркиза де При.

Список невест Европы о ту пору включал в себя 99 персон, но лишь 15 из них исповедовали католическую веру. Учитывались политические выгоды союза, возраст, здоровье, приданое. Португальская принцесса была отброшена как член семьи, приносящей несчастье, русская царевна Елизавета Петровна Романова – как *«рожденная от матери низкого происхождения и воспитанная в среде народа, пребывающего еще в варварском состоянии»*, датчанка – как носительница «маловыгодного союза», дочь герцога Лотарингского[1] по матери принадлежала к Орлеанскому дому, что опять-таки несло в себе угрозу усиления этой ветви, и так далее. В конце концов с целью укрепления связей с Великобританией было решено направить послов в Лондон, дабы попросить у короля Георга I руки его старшей внучки Анны. Выставлялось единственное условие: невеста должна перейти в католическую веру. Естественно, английский король, который, будучи герцогом Ганноверским, занял трон своих дальних родственников Стюартов именно потому, что был протестантом, сватам решительно отказал. Правда, принцессе Анне пришлось еще долго маяться в девицах, но в 1734 году ее удалось выдать замуж за принца Оранского, штатгальтера семи северных голландских провинций, собственно говоря, ядра нынешнего королевства Нидерландов.

В конце концов все сошлись на кандидатуре Марии, дочери Станислава Лещинского, изгнанного короля Польши в 1704-09 годах. В ту пору он влачил весьма жалкое существование в захудалом альзасском городишке Виссембург на пенсию, выплачиваемую ему пополам Францией и Швецией (именно король Швеции Карл XII некогда втянул его в авантюру претендования на польский престол). Надо сказать, что кандидатуру этой незначительной девицы ловко протолкнула маркиза де При. Дело в том, что ее любовник герцог Бурбонский был холостяком, но для обеспечения наследника этого славного рода ему надлежало жениться. Маркиза де При давно подыскивала ему столь бессловесную и покорную невесту, при которой могла бы по-прежнему управлять своим любовником. Именно в поисках такой высокородной особы она натолкнулась на польскую изгнанницу.

Но тут ей пришла в голову гениальная мысль: еще лучше будет женить на ней юного короля, чтобы вместе с герцогом затем полноправно манипулировать монаршей четой. Осуществить эту комбинацию оказалось непросто, ибо некоторым вельможам такой выбор пришелся не по вкусу. По их мнению, род простых дворян Лещинских не был столь древним и влиятельным как, допустим, династии польских магнатов Замойских или Потоцких, или же семья национального героя Яна Собеского. Тем не менее, Мария была преданной католичкой, а это устраивало папу римского, весьма недовольного тем, что маленькую испанскую инфанту отправили обратно к родителям. В остальном польская принцесса была миловидна, приятна в обращении, явно хорошего здоровья и готова к деторождению. Тот факт, что она была на семь лет старше жениха, французских царедворцев ничуть не смущал.

Естественно, отец невесты был на седьмом небе от оказанной ему чести, ибо все его попытки выдать замуж бесприданницу Марию не имели успеха, тем более, что у него были высокие требования к знатности будущего зятя. Не мог же отставной король выдать замуж дочь-принцессу за простого дворянина! Невеста была действительно очень бедна: когда лица, занимавшиеся при французском дворе подготовкой приданого для этой Золушки, попросили прислать в качестве образца туфельку с ее ноги, это вызвало в Виссембурге целый переполох: Мария Лещинская располагала всего одной парой обуви.

---

[1] Лотарингия в то время была независимым герцогством.

Наконец в сентябре 1725 года состоялась свадьба. Надо сказать, Людовик XV был человеком весьма своеобразным. Он вырос в среде взрослых людей, в атмосфере всеобщего преклонения, не имея ни малейшего представления о жизни за стенами королевских дворцов. С одной стороны, юный король был заносчив и нетерпим, с другой – робок и нерешителен. Кардинал Флёри воспитал его истово религиозным человеком, Людовик старательно посещал церковные службы, подавая пример подданным своим серьезным отношением к исполнению ритуалов, заботился о спасении души, щедро жертвовал на благотворительные цели и с состраданием относился к обездоленным.

Бесцветная королева

Выдавая дочь замуж, Станислав Лещинский наставлял ее проявлять полную покорность венценосному супругу:

«Отвечайте на упования короля полным вниманием к его особе, совершенным повиновением его желаниям… и выказыванием вашей природной доброты к его стремлениям. Старайтесь всем сердцем угодить ему, повинуйтесь со всем удовольствием, избегайте того, что может доставить ему малейшее огорчение…».

Мария действительно оказалась идеальной супругой, благочестивой, кроткой, образованной, полностью удаленной от государственных дел. Как жених, так и невеста вступили в брак девственниками, и для Людовика открылись упоительные радости плотской любви. Они настолько пришлись ему по вкусу, что новобрачный исполнил свой супружеский долг семь раз в первую ночь и последующие провел примерно таким же образом. Кардинал Флёри даже обеспокоился, не окажет ли это пагубное воздействие на здоровье его подопечного, и потребовал учредить «ночи воздержания». На это смиренная, целомудренная Мария будто бы изрекла:

– Если хотят дофина, надобно применять к тому средства.

По части плодовитости она вполне оправдала возлагаемые на нее надежды: в 1727 году Мария произвела на свет двух девочек-близнецов, а затем исправно рожала практически каждый год по ребенку. Но подобная регулярность пополнения семейства отнюдь не радовала ни Людовика, который уже в возрасте двадцати лет был счастливым отцом пятерых детей, ни его окружение. Дело в том, что из десяти отпрысков королевской четы только два были мужского пола, все же остальные – женского. Толку от такого выводка принцесс не было никакого, к тому же младший сын скончался, не дожив и до трех лет, так что престолонаследие при наличии всего лишь одного дофина вновь оказалось под угрозой. Естественно, маленькие принцессы получали имена, но при дворе их запросто называли «Мадам[2] номер один» и так далее. Бесконечные роды подорвали здоровье Марии и практически лишили всяческого интереса к иным сферам жизни.

Она несколько оживилась лишь во время Войны за польское наследство 1733-35 годов, когда коалиция Австрии, России и Саксонии выступила против объединившихся Франции, Испании и Сардинского королевства в связи со смертью короля Польши Августа II Сильного. Тогда перед Станиславом Лещинским вроде бы замаячила более или менее реальная перспектива вернуть себе корону. Не сказать, чтобы его мечты потерпели полный крах: королем он не стал, но титул ему сохранили и в качестве компенсации отдали во владение герцогство Лотарингское. После смерти королевского тестя Лотарингия отошла к Франции, таким образом бесприданница Мария, у которой не было за душой лишней пары туфель, все-таки принесла своей новой родине обширное ценное владение, долгое время до того являвшееся постоянным яблоком раздора.

Тем не менее, при дворе на нее по-прежнему обращали мало внимания – какой толк от королевы, не обладавшей никаким влиянием! В начале июля 1738 года на свет появилась восьмая дочь, а уже осенью Мария вновь была беременна. По-видимому, ее организм был настолько изнурен, что простая прогулка в парке замка Сен-Клу привела к выкидышу, после чего медики настоятельно рекомендовали ей прекратить интимные отношения с королем. Мария заперла дверь своей спальни, что, впрочем, совершенно не огорчило Людовика: он уже обзавелся любовницей, первой из пяти сестер Нель, отпрысков старинного пикардийского рода, вращавшихся при дворе. С этого романа возродилась славная традиция галантной жизни француз-

[2] Мадам – титул дочери французского короля, поэтому в качестве такового пишется с большой буквы.

ских королей, а давно пустующее место официальной любовницы перестало быть вакантным. Королева горестно подвела итог своей жизни:

– Вечная постель, вечно брюхата, вечные роды!

Дальнейшие похождения короля, похоже, унаследовавшего ненасытный сексуальный аппетит своего пращура Людовика XIV, описаны в моей книге «Графиня Дюбарри». После сестер Нель официальной любовницей стала пресловутая маркиза де Помпадур, ухитрившаяся продержаться подле Людовика двадцать лет и приобрести огромное влияние на политическую жизнь Франции. Чисто физиологические потребности короля удовлетворялись за счет обитательниц так называемого «Оленьего приюта». В этом неказистом в виду домике с ведома маркизы постоянно поддерживался запас юных девушек, ибо Людовик пуще смерти боялся подцепить венерическое заболевание. Мария Лещинская покорно сносила присутствие при дворе любовниц супруга, находя утешение лишь в молитве и благотворительных деяниях.

Помимо измен мужа, которые она, похоже, притерпелась не принимать близко к сердцу, жизнь продолжала наносить ей новые удары. Вообще проживание детей в Версале было запрещено, всех родившихся младенцев знать отдавала на воспитание в городок, расположенный близ дворцового комплекса. Для монарших детей было сделано исключение, но, по-видимому, орава дочек настолько раздражала их отца, что Людовик отправил пятерых из них на воспитание в отдаленный престижный монастырь для аристократок Фонтевро (Луизе было всего десять месяцев!). Не последнюю роль в этом жестоком решении сыграла вульгарная экономическая подкладка: после рождения каждой дочери надлежало создавать собственный двор, что при таком количестве наследниц было более чем накладно. Правда, шестилетняя Аделаида подняла столь отчаянный рев, что король смягчился и оставил ее при дворе. Отсылка в монастырь потом вышла ему же боком, ибо воспитанные в благочестии вдали от королевского вертепа дочери впоследствии неустанно терзали его своими попытками обратить блудного отца на путь истинный.

Единственной дочерью, которую удалось сбыть с рук, была одна из первенцев-близнецов. Мадам Элизабет в возрасте 12 лет выдали замуж за испанского инфанта дона Филиппа, и ей пришлось покинуть отечество. Более никого пристроить не удалось, ибо в Европе о ту пору ощущался явный недостаток принцев-холостяков католического вероисповедания. Дочери Людовика были бесприданницами, но не желали выходить замуж за принцев рангом намного ниже их, считая подобный поступок недостойным дочерей повелителя самой крупной страны Европы. Мадам Луиза в конце концов ушла в монастырь, а оставшиеся три примкнули к партии безраздельно преданных церкви особ, сложившейся вокруг королевы. В первых рядах ее находился наследный принц Луи-Станислас, чрезвычайно набожный и поставивший себе цель стать апостолом добродетели.

Этот весьма посредственно одаренный человек полагал, что своим примером безупречно благочестивой жизни сможет устыдить погрязшего в грехах отца. Обычно приводят такой пример: его первой жене, испанской инфанте Марии Терезе Рафаэле, как всякой испанке, страстной поклоннице сценического искусства, стоило больших трудов отучить его креститься каждый раз, когда он проходил мимо театра, этого места погибели христианской души[3]. Отсюда отношения, сложившиеся между отцом и сыном, никак нельзя было назвать родственными: сплошное отчуждение со стороны сына и безуспешные попытки к сближению со стороны отца.

Инфанта была столь же набожна, как и ее муж, и столь же высокомерна. Молодожены быстро образовали сплоченную супружескую пару, возненавидевшую мадам де Помпадур, затенявшую своим блеском истинную королеву. Мария-Тереза была красива и величественна, но обладала одним крупным недостатком: рыжими волосами. Дело в том, что по канонам красоты Франции той эпохи быть рыжей считалось постыдным. Поэтому французские художники

[3] В Испании театр был объектом общенародной страсти и поклонения.

изображали ее блондинкой, и, надо полагать, именно с этой принцессы пошла мода пудрить волосы.

Семейное счастье дофина продержалось недолго: через полтора года, в июле 1746, дофина скончалась, произведя на свет маленькую девочку. За несколько дней до этого умер ее отец, испанский король Филипп V, что осложнило положение испанской стороны, мечтавший, чтобы овдовевший наследник престола женился на сестре усопшей – испанцам так хотелось видеть свою инфанту на троне королевы Франции!

Печальная дофина

Потрясенный потерей любимой жены принц и слышать не желал о новой женитьбе. Партия королевы и его наставник любыми силами и средствами старались склонить двор к «испанскому» браку. Но тут во всемогуществе проявилось неодолимое влияние маркизы де Помпадур, более мощное, нежели этого ожидали окружающие. Именно она усиленно проталкивала кандидатку австрийского дома. Во время Войны за австрийское наследство Польша совместно с Саксонией выступали против Франции, это противоречие следовало устранить. В невесты дофину была предложена дочь короля Польши и курфюрста Саксонии Августа III, женатого на австрийской эрцгерцогине, принцесса Мария-Иозефа Саксонская (1731–1767).

Я сочла нужным более подробно рассказать об этой женщине, которой очень благоволили ее свекор и свекровь, дабы читателю было понятно, чего король и двор ожидали от дофины в лице Марии-Антуанетты. Принцесса Мария-Иозефа также приходилась племянницей графу Морицу Саксонскому[4], маршалу Франции и герою войн за польское и австрийское наследство. Закаленный воин, которому единственному дозволялось являться в версальский дворец в сапогах, также обратился за поддержкой к благоволившей ему фаворитке Людовика XV. Монаршее семейство охватила боязнь, как бы протеже маркизы де Помпадур, которую родня короля давно предала общему проклятию, не внесла раскол в семейный клан. Тут следует упомянуть еще одну тонкость, весьма волновавшую Марию Лещинскую: Мария-Иозефа была внучкой короля Августа II Сильного, который в свое время сместил с трона ее отца Станислава Лещинского. Таким образом, юная принцесса прибывала во враждебно настроенный двор и к жениху, который поклялся, что даже не взглянет на нее. Свадебному кортежу по дороге из Страсбурга в Версаль пришлось сделать порядочный крюк, дабы объехать герцогство Лотарингское, где коротал свой век после потрясений войны за польское наследство низложенный Станислав Лещинский.

Естественно, Мария-Йозефа получила кучу наставлений как от своего отца-короля, так и от дяди-маршала. Ни для кого не было тайной, сколь остро Людовик XV страдал от враждебности своих детей, посему саксонской принцессе вменялось в обязанность постараться стать ему родной дочерью, по возможности, свести на нет отчуждение между отцом и сыном. В письме к отцу принцессы маршал писал о короле:

«Сие есть единственная особа двора, с каковой она не должна выказывать никакой сдержанности. Она должна почитать его своим пристанищем, своим отцом, и делиться с ним всем, хорошим или плохим, как приключится, и ничего не скрывать. При сем и при отсутствии всякой фамильярности он будет обожать ее».

На первой встрече с будущим свекром Мария-Иозефа упала на колени к его ногам и с нескрываемым волнением произнесла слова, не предусмотренные протоколом:

– О государь! Прошу ваше величество соблаговолить осчастливить меня вашей дружбой!

Это искреннее изъявление чувств тотчас же завоевало сердце Людовика, который бросился поднимать ее с колен. Несколько позднее, с любопытством рассматривая подарки, поднесенные ей по традиции в ларце, Мария-Иозефа обнаружила среди них миниатюрный портрет короля и воскликнула:

– Из всех даров сей наиболее приятен моему сердцу! – как уверяли современники, дофин при этом сделал кислую гримасу и стиснул зубы.

---

[4] Морис Саксонский был побочным сыном короля Польши и курфюрста Саксонии Августа II Сильного от известной красавицы графини Авроры фон Кёнигсмарк (см. мою новеллу «Нерыцарский роман» в книге «Что губит королев») и отсюда приходился сводным братом отцу Марии-Иозефы Августу III.

Рекомендации от дяди-маршала продолжались:

«Дабы преуспеть при дворе, не стоит проявлять ни высокомерия, ни фамильярности. Однако надобно склоняться к некоторому высокомерию как неотделимой части достоинства».

Принцесса точно следовала этому совету.

Любопытны советы по общению с придворными дамами: *«Не поддаваться сим особам, отличающимся умом, но злонамеренным подобно дьяволам, которые постараются втянуть ее в склоки, в каковых проводят все свои будни»*. Посол Саксонии в Париже, граф фон Лосс, со своей стороны добавил, что Мария-Иозефа должна в любом случае не скупиться на изъявления дружбы в отношении маркизы де Помпадур, которой она обязана своим замужеством.

«Дружба, которой почтил ее король, интерес, каковой она выказала к браку его высочества дофина с саксонской принцессой, доверительные рекомендации, сделанные ею королю, дабы тот окончательно остановился на своем выборе, все сие обязывает вас к вниманию и хорошему отношению. У маркизы отличный характер, она будет стремиться понравиться вам. И вы угодите его величеству, засвидетельствовав дружбу с сей дамой, которой королева выказывает величайшую учтивость».

Дофина явно учла все это, ибо, как писали современники, *«не дала совратить себя лживыми обвинениями в отношении фаворитки, в изобилии изливаемыми на нее мужем и золовками»*. Взамен Мария-Иозефа заработала признание маркизы, которая впоследствии дала ей знать, что дофина может рассчитывать на ее поддержку в любых обстоятельствах.

Этой привлекательной блондинке было всего пятнадцать лет, она плохо говорила по-французски, но с уверенностью заверила представителя Людовика XV, маршала де Ришелье, что приложит все усилия к полному освоению языка, и потребовала снабдить ее книгами по истории Франции. За ней дали неплохое приданое, и не минуло еще полугода после смерти первой жены дофина, как его в феврале 1747 года обвенчали с Марией-Иозефой, которую на французский манер теперь называли Мария-Жозефа.

Мастера даже не успели отделать новые покои для новобрачных, и молодые поселились в комнатах, где все дышало памятью о покойной жене дофина. Дошло до того, что рыдавший Луи не смог в первую ночь исполнить свой супружеский долг на ложе, где познал счастье с покойной Марией Терезой Рафаэлой. Но, мягкая и деликатная, одновременно живая и веселая, новобрачная сумела через полгода заставить его забыть прежнюю любовь и стать ему преданной женой, создавшей дружную семью. Придворные даже с неодобрением относились к этой супружеской паре, считая их слишком сплоченный союз «мещанским». Дофина искренне привязалась к своей падчерице, крошечной дочери от первой жены супруга, чрезвычайно заботилась о ней и искренне горевала, когда та скончалась в возрасте немногим более двух лет.

По старинному придворному обычаю, после свадьбы дофина в течение трех дней должна была носить браслет с миниатюрным портретом своего отца. В данном случае это должен был быть портрет короля Августа III, сместившего с трона Польши Станислава Лещинского. Королева Мария не вытерпела и спросила у невестки, правильным ли поступком с ее стороны было надеть этот браслет. В ответ та молча передала свекрови украшение, и, к своему удивлению, свекровь увидела портрет Станислава Лещинского, своего отца и деда мужа новобрачной. Придворные были потрясены тактом и умом столь молодой принцессы и вынуждены были отдать должное ее сообразительности оценивать обстановку. Надо сказать, что впоследствии ей пришлось перенести много переживаний, связанных с Семилетней войной, в которых страдали ее родина и близкие.

Марии-Жозефе не удалось быстро обрадовать королевство рождением наследника, за что ее немилосердно критиковали как при дворе, так и в народе. Дофина забеременела только через три года, и первенцем стала девочка, потом же она практически сравнялась со своей свекровью. Всего у нее было девять беременностей, причем пять из них принесли королев-

ству сыновей, а ей – большую популярность. Трое из мальчиков впоследствии стали королями Франции. Трагические события, отзывавшиеся болью в сердце Марии-Жозефы, случались столь регулярно, что король называл свою невестку не иначе как «моя печальная Пепа».

Особой поддержки при дворе Мария-Жозефа поначалу не ощущала, и тем болезненнее восприняла в 1750 году безвременную смерть своего дяди, маршала Морица Саксонского. Вся королевская семья была потрясена в 1752 году кончиной 24-летней старшей дочери королевской четы, Мадам Анриэтты, с которой Мария-Жозефа успела сдружиться. Вскоре тяжело заболел оспой дофин, и супруга самоотверженно ухаживала за ним, не гнушаясь страстно целовать его лицо, покрытое омерзительными гнойничками. В 1754 году отлетела на небеса младенческая душа полугодовалого Ксавье, герцога Аквитанского, сына дофины. На следующий год скончалась пятилетняя Мари-Зефирина, первенец Марии-Жозефы.

В 1759 году в результате захвата Саксонии войсками прусского короля Фридриха II и бесчинств, учиненных там солдатней, ушла из жизни мать Марии-Жозефы. В 1761 году королевской семье был нанесен тяжкий удар: смерть унесла старшего сына дофины, десятилетнего герцога Луи-Жозефа Бургундского, проявлявшего блестящие дарования. Именно он должен был бы стать королем Франции в 1774 году, а не его следующий по возрасту брат Луи-Огюст, герцог Беррийский. В течение того же десятилетия король потерял старшую дочь и ее супруга, правящую чету герцогства Пармы и Пьяченцы.

В 1763 году сошел в могилу отец Марии-Жозефы, король Польши и курфюрст Саксонии Август III. Ее брат Франсуа-Ксавье не смог противостоять военному союзу Австрии, Пруссии и России. Наследники ее отца были вынуждены отказаться от польской короны и сохранить лишь правление Саксонией. На следующий год скончалась маркиза де Помпадур. Но самый тяжелый удар был нанесен дофине в 1765 году: супруг заболел чахоткой и умер, а ухаживавшая за ним Мария-Жозефа заразилась и также угасла от туберкулеза в 1767 году в возрасте всего 36 лет. Через год за ней последовала измученная жизнью и всеми пренебрегаемая королева Мария Лещинская.

Можете представить себе, какими достоинствами должна была обладать австрийская невеста, каким чувством ответственности и незаурядным умом, чтобы занять достойное место при особе короля Людовика XV? Посмотрим, удалось ли с честью выполнить эту задачу австрийской эрцгерцогине Марии-Антуанетте, но сначала сделаем небольшое отступление.

Историческая тезка добродетельной дофины

Познала ли среди всех этих испытаний Мария-Жозефа чисто женское счастье любви? Естественно, источники умалчивают об этом. Но в истории нередко случаются события, когда вещи, как материальные, так и нематериальные, совершают какие-то замысловатые перемещения в пространстве и времени, тем не менее, связуя странным образом совершенно противоположных во всех отношениях особ.

Мария-Жозефа Саксонская была не только преданной женой и прекрасной матерью, но и доброй и снисходительной повелительницей. В штате ее двора служил пажом некий юноша по имени Жозеф-Гаспар Таше де Лапажери. Естественно, чтобы попасть на пажескую службу, недостаточно было только дворянского происхождения, восходящего не менее чем к 1550 году и подтвержденного подлинными жалованными грамотами, а также благоприятных внешних данных. В корпус пажей сына обедневшего дворянина, уехавшего искать счастья на далекий остров Мартинику, колонию Франции, пристроил его дядя, священник Франсуа-Станислас, служивший сначала духовником королевы Марии Лещинской, а затем дофины Марии-Жозефы Саксонской. Племянник провел в Версале пять лет, получил неплохое образование и навсегда сохранил этот период в памяти и сердце как наилучший в своей жизни, как пребывание у врат рая, где все есть сила, власть, красота и изысканность.

Но всему приходит конец, и выросший из пажеской униформы молодой лейтенант был определен в королевский флот и откомандирован на Мартинику, где его отец кое-как сводил концы с концами, служа управляющим на чужих плантациях. Там Жозеф-Гаспар быстро набрал долгов и стал завсегдатаем таверн Порт-Рояля, где шла игра в карты, перемежавшаяся дуэлями и драками. Его хорошенькая и пронырливая сестра Дезире, любовница генерал-губернатора Франсуа де Богарне, помогла брату найти невесту из хорошей семьи, да еще с приданым в виде доходной плантации. Но обленившемуся и опустившемуся брату это не помогло.

В 1763 году за халатное отношение к службе Жозефа-Гаспара отправили в отставку с небольшой пенсией, после чего он счел свою жизнь окончательно загубленной. Крушение всех надежд оказалось еще более горьким от того, что в том же году у него, к его величайшему сожалению, родился не сын-первенец, а всего-навсего дочь. Отставник понимал, что на всех его мечтах о блестящей карьере окончательно поставлен крест, и в память о сказочном прошлом назвал дочь в честь добрейшей и прекраснейшей дофины именами Мария Жозефа Роза. В обиходе девочку именовали просто Розой.

В возрасте 16 лет Роза переехала во Францию, где тетка Дезире выдала ее замуж за своего пасынка, виконта Александра де Богарне, которого воспитала и любила как родного сына. От неудачной семейной жизни с любимым, но эгоистичным мужем-ловеласом молодой женщине остались сын Евгений и дочь Гортензия. Брошенной жене пришлось изрядно хлебнуть горя в то страшное десятилетие, на которое пришлись основные события Великой французской революции. Мужа казнили, сама она также попала в заключение, и от гильотины ее спас только государственный переворот.

Пройдя такую школу жизни, Роза, не будучи красавицей, сумела отшлифовать свои манеры, усовершенствовать искусство соблазнения мужчин (ну а как еще можно было зарабатывать деньги на прокорм детей?) и превратилась в одну из самых дорогих куртизанок Парижа, пользовавшуюся покровительством первых лиц Французской республики. Она уже начала увядать и беспокоиться за свое будущее, когда на ее жизненном пути повстречался некий молодой невзрачный корсиканец Наполеоне Буонопарте, герой борьбы с монархистами, в 24 года произведенный в генералы. Ему сулили блестящую карьеру, и для такой опытной женщины ничего не стоило соблазнить провинциального офицера, к тому же еще и на 6 лет моложе ее. Ей

хватило одной ночи, после которой она на другое же утро получила следующее письмо с ужасающей орфографией, но переполненное излияниями самой искренней неукротимой страсти:

«В семь часов утра: нежная и несравненная Жозефина, я проснулся полон тобой. Твой портрет и воспоминания о вчерашнем опьяняющем вечере не дают никакого покоя моим чувствам…».

Так под именем Жозефины вошла в историю эта ветреная женщина, сначала гражданка Бонапарт, впоследствии императрица Жозефина, член монаршей четы, где жена была самим воплощением женственности, а супруг – мужественности. Конечно, очень немногим было ведомо, что она получила свое имя в честь принцессы, чья жизнь была истинным олицетворением супружеского долга, постоянства и добродетели.

Три сказочных принца

Итак, дофин и его супруга Мария-Жозефа скончались рано, не успев взойти на трон. Это стало очередной трагедией для королевской семьи, но не для престолонаследия, которое было надежно обеспечено тремя осиротевшими принцами: Луи-Огюстом, герцогом Беррийским, Луи-Станисласом, графом Прованским и Шарлем-Филиппом, графом д'Артуа. Напоминаем, что еще раньше родителей в возрасте десяти лет скончался самый старший сын, Луи-Жозеф, рассматривавшийся как будущий дофин и получавший соответствующее образование. Любопытным образом трое из принцев как внешностью, так и характером пошли в отца, в Бурбонов, тогда как Луи-Огюст явно унаследовал все признаки саксонских и габсбургских предков их матери. Три принца были привлекательными шатенами с живыми карими очами, Луи-Огюст – блондином с голубыми невыразительными глазами. Бурбоны схватывали все на лету, были подвижны и элегантны, обожали развлечения и не жалели денег на модную одежду и веселое времяпрепровождение.

Луи-Огюст обещал стать копией своих саксонских пращуров. Он был крепкого, но нескладного телосложения, медлительный, молчаливый, благодушный, экономный в своих расходах. Поскольку принц любил воздать должное простой, но обильной пище, врожденная склонность к полноте быстро превратила его в увальня с неуклюжей, тяжелой походкой. Он был основательным неспешным человеком, любившим доходить до сути дела своим умом, вот только времени на это требовалось ему намного больше, нежели его брату Луи-Станисласу, графу Прованскому. Поскольку дофином надлежало стать рано скончавшемуся Луи-Жозеф, образованию Луи-Огюста в свое время должного внимания не уделяли и, спохватившись после смерти старшего сына, организовали учебный процесс, грубо говоря, из рук вон плохо.

Из экономии братьев стали обучать вместе, и разница между ними проявилась ошеломляющая. Луи-Станислас любил чтение, наслаждался античными авторами и, глубоко изучив их, изъяснялся законченно и изысканно. Впоследствии он собрал огромную библиотеку и даже учредил собственную типографию. Осознав, что старший брат в умственном отношении явно ему не соперник, граф Прованский впоследствии не гнушался в открытую всячески критиковать действия короля. Как следующий в линии престолонаследия, он носил положенный ему титул «Месье» и сумел завоевать чрезвычайную популярность как при дворе, так и среди парижан.

Луи-Огюст был хорошим учеником, дисциплинированным, прилежным, вдумчивым. Но он не гнался за красивыми фразами и остроумными оборотами речи, как было принято в те времена, выражался сухо и по существу. Неизвестно по какой причине, Луи-Огюст не получил никакого практического военного образования (теории по оборонительным сооружениям и военным операциям было преподано с избытком). Он даже заинтересовался флотом и, со свойственной ему методичностью, приобрел познания, которые удивляли даже специалистов.

Конечно, прошли те времена, когда король выезжал на поля сражений во главе своего войска, но дофин непременно должен был усвоить повадки главнокомандующего и создавать должный образ непобедимого монарха на парадах и смотрах. Его деду, во всяком случае, это прекрасно удавалось, и на военных маневрах во время пребывания в Компьене Людовик XV умел зажечь в сердцах солдат искру преданности короне, вере и отечеству. А вот Луи-Огюст так и не научился командовать людьми. Он усиленно скрывал этот изъян и старался всегда создавать такое положение, чтобы никто не мог командовать им самим.

Принц был набожен, подобно его отцу, искренне считал королевское правление прерогативой, дарованной ему Богом, и оттого имел весьма идеалистическое представление об этом процессе. Ему внушили, что для успешного царствования королю достаточно обладать несколькими добродетелями, а именно: набожностью, добротой, справедливостью, твердостью

и целомудрием. Наличие этих качеств, бесспорно, должно снискать ему любовь и преданность подданных и обеспечить мирное правление. О том, что политика должна учитывать различия между людьми и иметь целью поиск разумных компромиссов, даже не упоминалось.

Луи-Огюст чувствовал себя чужим в мире, в котором ему выпало жить. Ему не нравился ни искусственный язык, ни утонченные манеры, ни вычурные одеяния придворных. Он даже не научился двигаться с сознанием собственного достоинства, как его дед или братья, и ходил вперевалку. Принц одевался чрезвычайно просто, любил разговаривать с рабочими, которые выполняли нескончаемые ремонты и переделки во дворце, не гнушался забираться на леса и лестницы штукатуров и художников, толкать тяжелые тележки со стройматериалами. Он не последовал примеру деда, который любил обрабатывать на токарном станке благородное дерево и слоновую кость, а увлекся грязными слесарными работами по металлу. Вкупе с его немногословностью это заслужило ему репутацию дикаря. Придворные чуть ли не в открытую сожалели, что граф Прованский родился годом позже, вот из него вышел бы отличный дофин!

Того же мнения придерживались и иностранцы. Вот что писал о ее будущем зяте императрице Марии-Терезии князь фон Штаремберг[5]:

«Для создания у вашего величества небольшого представления, надобно сказать, что сей принц имеет поведение самое несуразное и необычное, как стоя, так и сидя, он не умеет передвигаться. В день бала-маскарада я видел его танцующим менуэт со всей неуклюжестью, каковая только возможна, ни единого разу не попавши в такт. Он никогда ни с кем не разговаривает и, к тому же, задавши вопрос, уходит, не выслушивая ответа».

Не удивительно, что у будущей тещи тотчас же родилась мысль, что такого зятя ничего не стоит обвести вокруг пальца.

Но под этой простоватой оболочкой скрывалось сердце, способное любить горячо и преданно. Как уже упоминалось здесь, отношения у Людовика XV с сыном были просто отвратительными, что немало мучило короля. Однако мудрый и чуткий духовник дофина сумел пробудить во внуке любовь к деду, и они стали друзьями. В этом сближении им чрезвычайно помогла их страстная любовь к охоте. Оба были готовы выкладываться по полной, загоняя в лесах оленей или кабанов. Известно, как дочери короля порицали беспутный образ жизни Людовика XV. Однако внук не стал по их примеру терзать деда морализаторскими наставлениями, и вскоре превратился в завсегдатая ужинов, которые устраивала обычно после возвращения с охоты величайшая грешница Версаля, графиня Дюбарри.

---

[5] Князь Георг-Адам фон Штаремберг (1754–1866) – австрийский вельможа и дипломат, доверенное лицо императрицы Марии-Терезии, посол Австрии в Париже в 1754–1766 гг., совместно с маркизой де Помпадур архитектор сближения между двумя государствами и замысла заключения брака между французским дофином и австрийской эрцгерцогиней.

Услада старости короля

Итак, к тому времени, когда в 1770 году в Версале появилась невеста наследника престола, эрцгерцогиня Мария-Антуанетта, там проживали шестидесятилетний король Людовик XV, три старые девы, его дочери, и три осиротевших внука: герцог Беррийский, наследник престола, 16 лет, граф Прованский, 15 лет, и граф д'Артуа, 13 лет. Минуло немногим более года с момента кончины королевы Марии Лещинской, и, казалось бы, все во дворце еще должно было жить памятью об этой мягкосердечной, набожной и добродетельной женщине. Однако же этот период оказался наполнен нешуточными страстями, которые продолжали разделять монаршую семью и отсюда весь двор.

– Король умер, да здравствует король! – так, согласно обычаю, французам возвещали с балкона монаршего дворца об упокоении правящего короля и воцарении нового. С королевами же не церемонились, и после погребения в усыпальнице аббатства Сен-Дени их забывали на другой же день. Оказалось, что без них вообще можно обойтись: после смерти Марии-Терезы, супруги Людовика XIV, в 1683 году до появления Марии Лещинской в 1725 году благополучно проистекло почти полвека придворной жизни без верховной повелительницы. При этом существование морганатической супруги короля-солнца, маркизы де Ментенон, официально никак не признавалось.

После кончины супруги Людовику XV попытались навязать идею вступить в брак со старшей сестрой Марии-Антуанетты, эрцгерцогиней Марией-Элизабет. Для проформы безутешный вдовец запросил портрет уже несколько засидевшейся в девицах особы, ибо был наслышан о ее красоте. К сожалению, в 1767 году принцесса переболела обезобразившей ее оспой, так что король наотрез отказался вступать в повторный брак. Неприлично заневестившейся Марии-Элизабет пришлось стать аббатиссой приюта для женщин-дворянок в Инсбруке: ее брат-император Йозеф II заявил, что не потерпит «женского засилья при своем дворе» и распределил трех сестер по провинциальным богоугодным заведениям – видимо, сделал должный вывод из подрывной деятельности трех Мадам при французском дворе. Да и Людовику XV совершенно не нужна была супруга, ибо при дворе жила особа, вполне удовлетворявшая всем его желаниям. Ее звали Жанна, графиня Дюбарри, она была прекрасна, как ангел, но грешна, как все дочери Евы, вместе взятые.

Надо сказать, что в исторической литературе сложился весьма односторонний, а временами и совершенно не соответствующий реальной действительности образ этой фаворитки. Ее изображают чуть ли не вульгарной деревенской девкой, дешевой проституткой, промышлявшей по низкопробным кабакам. Если бы это было действительно так, Людовик никогда не ввел бы ее в придворное общество. Он очень ценил престиж своего двора и знати, первейших в Европе, и не хотел никаких изменений в этикете, утвержденном королем-солнцем:

– *Пусть все останется, как при наших предках,* – неоднократно говаривал король.

Напомним, что, невзирая на свою привязанность к маркизе де Помпадур, король не дал согласия на брак ее дочери Александрины со своим побочным сыном от мадам де Винтимилль, графом де Люком. Так что фаворитка, допущенная ко двору, по меньшей мере своим поведением должна была соответствовать нормам, предъявляемым придворной даме.

Вошедшая в историю практически наряду с маркизой де Помпадур Жанна Бекю родилась в 1743 году в Шампани в крошечном городишке Вокулер[6]. От окончательного захирения это забытое Богом местечко спасал расположенный там военный гарнизон, ибо тут проходила граница с Лотарингией, тогда еще независимым герцогством. Жанна была внебрачным ребенком тридцатилетней швеи Анны Бекю и монаха из местного монастыря Жан-Батиста

[6] Подробную историю жизни Жанны см. в моей книге «Графиня Дюбарри».

Гомар де Вобернье. Анна принадлежала к многочисленной семье Бекю, которая занимала привилегированное положение в престижной сфере парижской прислуги. Это были не поломойки, драившие полы и выносившие хозяйские горшки, и не конюхи, вычищавшие навоз из стойл конюшни, а люди, хорошо знавшие свое ремесло: повара, кондитеры, горничные, камердинеры. И все они отличались исключительно пригожей внешностью.

Красота Жанны проявилась еще в детском возрасте. Со временем ее мать перебралась поближе к родне в Париж, где вышла замуж. Восхищенный прелестной девочкой состоятельный работодатель матери (Анна служила поварихой у его любовницы-актрисы) оплатил ее обучение в монастыре Св. Ора. За девять лет, проведенных там, Жанна приобрела искреннюю приверженность к религии, которая научила ее смирению, покорности воле Божьей, любви к ближнему и бескорыстию. В чем нельзя было упрекнуть ее впоследствии, так это в высокомерии и презрению к людям ниже ее по положению.

Ее также обучили письму, причем орфография и грамматика в ее письмах ничуть не уступают посланиям, выходившим из-под пера дам, блиставших в роли хозяек литературных салонов, стиль же исполнен чувства собственного достоинства. Монастырь привил ей любовь к чтению, причем ее любимым автором стал Шекспир. Она также выучилась играть на арфе и охотно рисовала, что развило у нее безупречный вкус. Позднее, работая в модном магазине, Жанна подружилась с дочерью владельца, они вместе брали уроки рисования. Эта подруга Жанны впоследствии под фамилией Лабий-Гюйяр (1749–1809) приобрела европейскую славу портретистки и получала заказы на изображение членов королевской семьи.

После девяти лет обучения в монастыре красота девушки расцвела, и встал вопрос о приобретении профессии. Сначала Жанна постигала тонкости парикмахерского дела у куафера, с которым у нее случился роман, затем поработала в модном магазине и далее компаньонкой у знатной дамы, где соблазнила ее сыновей и на свою беду привлекла нездоровое внимание невестки. Мужчины роем вились вокруг красавицы. Вот что писал о ней граф д'Эспеншаль, несколько раз повстречавшей ее на балу в Опере: *«Я никогда в своей жизни не видел ничего более прелестного, чем сие небесное создание. Она – воплощенная богиня Геба. Она – одна из трех граций, совершенная во всех отношениях»*.

Падение Жанны было неизбежным – она уже привыкла пользоваться дорогими вещами, деньги на которые заработать честным трудом не представлялось возможным. Но вскоре девица попала в руки прожженного авантюриста, распутника и картежника, гасконца из старинного провинциального дворянского рода Жана Дюбарри, известного в обществе под прозвищем Прощелыга. Тот сразу же оценил потенциал красавицы, сочтя ее «лакомым кусочком» для короля.

Дюбарри в свое время окончил юридический факультет в университете Тулузы, но покинул провинцию, оставив там жену с сыном и предпочтя зарабатывать легкие деньги игрой в карты и сводничеством в Париже. Жанна была не единственной его жертвой, но наиболее ценным приобретением. Поставляя красивых женщин парижской знати, Дюбарри перезнакомился со многими вельможами, такими как герцоги де Дюра и де Фронсак, друг короля и его первый камергер, герцог де Ришелье. Он поселил Жанну в роскошно обставленной квартире (сводник был не лишен художественного вкуса и даже коллекционировал картины старых голландских мастеров), вывозил ее в театры и на различные празднества, по городу она разъезжала исключительно в карете.

Естественно, все это оплачивалось в основном из заработков самой Жанны, которая обслуживала только вельмож и крупных финансистов. Например, герцог де Ришелье платил ей за каждую встречу по пятьдесят золотых. Никто и не думал торговаться, ибо ее красота поражала даже видавших виды аристократов, а сохранившиеся «остатки природной пылкости» придавали утехам с этой ожившей богиней пикантно пряный привкус. Отъявленный распутник и тонкий ценитель женской красоты, принц Шарль-Жозеф де Линь, дал ей такую характе-

ристику: *«Усладой было лицезреть ее, и восхитительно – поиметь ее»*. К тому же, благодаря заботам Дюбарри, в ней не было ничего от вульгарности профессиональных «дев веселья». За четыре года общения с сильными мира сего Жанна отшлифовала свои манеры, усовершенствовала жесты и походку, полностью освоила науку ведения светских разговоров, совершенно пустых, но облеченных в изысканную оболочку утонченности с претензией на скрытый глубокий смысл и остроумие.

Однако, Жан Дюбарри не оставлял своей мечты уложить любовницу в постель короля, и в конце концов это ему удалось. Жанна своим профессиональным искусством настолько обольстила Людовика, что тот почувствовал себя молодым и полным сил. Ее мастерство было внове для человека, который не знал иных женщин, кроме малоопытных молоденьких сестер Нель, фригидной маркизы де Помпадур и девственниц из «Оленьего приюта». Недаром, когда Людовик XV поделился своим восторгом по поводу чар мадам Дюбарри с одним из своих близких друзей, герцогом д'Эн, тот не смог удержаться от смеха:

– Видно, что ваше высочество никогда не бывали в борделе!

Но дело было не в одних профессиональных талантах этой кудесницы. Людовик обрел в ней не только утолительницу его плотских потребностей, но и внимательную подругу, готовую разделить заботы и душевные терзания мучимого различными комплексами старого короля, развлечь его и дать забыть скуку повседневной жизни, страх перед смертью, от которого ему никак не удавалось отделаться. Этой утешительнице надлежало пребывать подле него неотступно, и Людовик решил сделать ее своей официальной любовницей. Но таковой могла стать только аристократка, предпочтительно замужняя. Тогда за дело взялся Прощелыга, который вызвал из Гаскони холостого брата Гийома, отставного капитана, ветерана колониальной службы на острове Сан-Доминго, личность совершенно ущербную.

Для начала Прощелыга подделал кучу документов, начиная с липового свидетельства о рождении Жанны и кончая совершенно фантастическими бумагами о родстве семейства Дюбарри со старинными дворянскими семьями в Провансе и Ирландии, а также герцогами де Бари в Калабрии, т. е. в далекой Италии. 1 сентября 1768 года состоялось венчание Гийома и Жанны, после чего новобрачному было приказано убраться в родную Гасконь и не казать оттуда носу. Карету и портшез Жанны украсил фантастический графский герб, хотя, строго говоря, на титул графини, даже поддельный, она права не имела, ибо вышла замуж за младшего брата Дюбарри.

Генеалогическое ведомство двора, весьма придирчивое в вопросах допуска в придворную среду новичков, прослышав о безумном увлечении короля новой фавориткой, уже поселившейся во дворце в покоях бывшего камердинера Людовика, предпочло закрыть глаза на эту грубо состряпанную подделку. Невзирая на потоки самой грязной клеветы, изливаемые на Жанну дешевыми писаками по заданию и за деньги первого министра, герцога де Шуазёля, король решил представить ее ко двору. После церемонии представления, которой всеми силами пытались помешать блюстители нравственности, графиня Дюбарри полноправно воцарилась во дворце, теперь в ее распоряжение предоставили покои на третьем этаже над так называемыми «малыми кабинетами короля». Ранее они принадлежали Марии-Жозефе Саксонской.

Графиня отделала эти помещения со свойственным ей тонким вкусом и часто устраивала там ужины, приглашая знатных придворных, которым особо благоволил король. Гостям яства подавались на серебряном сервизе, королю и его фаворитке – на художественно сработанной золотой посуде. Надо сказать, что графиня вела себя очень разумно, стараясь оставаться на втором плане и не афишировать свою близость к королю. Она окружила себя обществом его старых друзей, где царила совершенно безраздельно. Талейран ценил ее за то, что она быстро переняла своеобразный выговор и язык Версаля. В этом до самой смерти так и не преуспела маркиза де Помпадур, а потому не смогла заставить аристократов забыть о своем мещанском

происхождении. К тому же Жанна выучилась занимательно рассказывать всяческие забавные истории и без труда могла претендовать на звание души любого веселого собрания.

Будучи женщиной сострадательной, графиня, посредством своих ходатайств перед королем по поводу нескольких нашумевших дел, быстро создала себе ореол заступницы униженных и несправедливо осужденных. Что же касается истинной подоплеки неприятия этой женщины в высшем свете, то мадам Дюбарри получила ответ на этот вопрос уже после смерти короля и своего изгнания из Версаля. Она как-то спросила у принцессы де Бово:

– Почему когда-то в Версале все так ненавидели меня?

Та возразила ей:

– Никто не испытывал к вам ненависти, просто каждая хотела оказаться на вашем месте.

Одной из обязанностей официальной фаворитки было покровительство искусствам, чем графиня и занялась с большим рвением. Надо сказать, что она в особенности почитала скульптуру, но знала толк и во всех прочих видах, став щедрой заказчицей для художников и ремесленников, занятых на отделке ее покоев и подаренного ей королем небольшого замка Лувесьен. Тут следует еще упомянуть, что мадам Дюбарри длительное время состояла в переписке с Вольтером, хотя ее ходатайства о разрешении этому возмутителю спокойствия возвратиться во Францию оказались безуспешными. Тем не менее, выдающийся литератор и вольнодумец не упустил возможность польстить фаворитке короля. Вот какое письмо отправил он ей из замка Ферней в Швейцарии после того, как придворный банкир де Лаборд навестил его по просьбе графини и продемонстрировал ему ее портрет. Заметим, что Вольтер заодно не преминул также мимоходом воскурить фимиам и самому Людовику (вдруг тот сменит гнев на милость и позволит вернуться в отечество!):

«Мадам!

Господин де Лаборд сказал мне, что вы приказали от вашего имени расцеловать меня в обе щеки.

Чрезмерен дар ваш – два лобзанья!
Возможно ль мне принять его?
Поклонник дивного созданья
Готов скончаться после одного.

Он показал мне ваш портрет: не гневайтесь, мадам, я взял на себя смелость приложиться к нему двумя поцелуями.

Спешу я сделать подношенье,
Увы, портрету, а не вам:
Оригинала лицезренье
Удел, дарованный богам!».

Графиня совершенно не интересовалась политикой и остерегалась вмешиваться в нее, так что слухи о ее могуществе в этой сфере сильно преувеличены. Здесь стоит процитировать высказывание знаменитого французского политика и оратора, графа де Мирабо (1749–1791) о мадам Дюбарри из его книги «Галерея французских дам». Он с похвалой отозвался об ее умении, в отличие от маркизы де Помпадур, избежать того, чтобы *«переселиться из постели своего любовника в его кабинет, именно того, что совершила эта надменная женщина, которая назначала любовниц своему королю, министров – в его совет, генералов – в его армию, прелатов – в церковь, отправляла в застенки любого, позволившего себе опрометчивые высказывания»* .

Если фаворитка и обращалась к королю с какими-то просьбами по смещению или назначению на должности некоторых особ, то здесь ее влияние на монарха ловко использовали сторонники определенной партии. Примером такой истории является удаление от двора первого

министра, герцога де Шуазёля, ее злейшего врага. Надо отдать графине должное, она долго и тщетно старалась примириться с герцогом и впоследствии даже ходатайствовала за облегчение его финансового положения в изгнании.

Основной задачей Жанны было как можно долее сохранить любовь короля, которому она была свято и искренне преданна и не допускала себе ни малейших увлечений на стороне. Примечательно, что она ни разу ни единым словам не обмолвилась об этой связи и не оставила никаких воспоминаний. В остальном же молодая женщина интересовалась исключительно модными туалетами, развлечениями и была большой поклонницей дорогостоящих ювелирных украшений. Их количество и впечатляющий внешний вид хорошо известны. Во времена Великой революции графиню обокрали, и по всему королевству было широко распространено объявление о щедром вознаграждении за возврат украденных драгоценностей с их описанием. Помимо этого, пытаясь купить себе свободу перед казнью, Дюбарри продиктовала перечень ценных вещей, спрятанных в ее замке Лувесьен.

Правда, после смерти короля, будучи отправленной в ссылку и нуждаясь в деньгах для уплаты своих долгов, она продала наиболее роскошные украшения. Полагаю нужным привести здесь описание одного из парадных комплектов ее украшений, потому что, во-первых, схожие носила также Мария-Антуанетта, а во-вторых, подобные украшения характерны только для придворных туалетов XVIII века; потом они просто вышли из употребления в связи с изменением моды на парадную одежду.

Восемнадцатый век – эпоха триумфа бриллиантов. Открытие месторождений алмазов в Бразилии, освоение европейскими ювелирами новых способов огранки этих камней позволили им занять более выигрышное положение, оттеснив на задний план излюбленный ранее жемчуг. Королевские семьи и придворные для торжественных случаев украшали на своей персоне бриллиантами все, что только возможно.

Графиня Дюбарри, помимо множества украшений, имела в своем распоряжении роскошный убор для особо торжественных приемов. Он состоял из так называемого «передка» в форме треугольника, направленного острым углом вниз и закрывавшего весь перед корсажа, пояска[7] из четырех частей – две спереди и две сзади, двух эполет в виде бантов на плечах и приспособления под названием «трускё»: шнуров, приподнимавших шлейф тяжелой юбки и образовывавших на ней красивую драпировку. «Передок» был украшен 1013 бриллиантами, поясок сзади – 1054 бриллиантами, поясок спереди и эполеты – 1413 камнями. Поясок мадам Дюбарри пожелала дополнить розой из бриллиантов и, не желая, чтобы обычные булавки для закрепления выделялись на этом туалете вульгарными пятнами, заказала 22 булавки с головками из бриллиантов в ажурной оправе, общей стоимостью десять с половиной тысяч ливров.

К украшенному таким образом платью графиня надевала одну из своих многочисленных парюр, например, из бриллиантов и рубинов: колье с бантом и подвесками, пару серег также с бантом и подвесками и диадему в виде гирлянды цветов. Впоследствии, находясь в ссылке, она была вынуждена продать эти вещи для удовлетворения наиболее срочных требований кредиторов и в доверенности на продажу, выданной ювелиру Оберу, оценила украшения для платья в 450 тысяч ливров, а парюру – в 150 тысяч. Разумеется, далеко не всякая дама могла позволить себе подобную роскошь, драгоценности оказались по карману лишь жене брата короля, графине д'Артуа

Можно представить себе, сколь раздражало присутствие этой особы добродетельных дочерей короля и приверженных им набожных придворных. Естественно, они постарались найти союзника в жене дофина, молоденькой эрцгерцогине, и начали настраивать ее против любовницы отца буквально с первого дня ее появления в лоне королевской семьи. Но готова

[7] Он маскировал шов, соединяющий лиф платья с юбкой.

ли была Мария-Антуанетта постичь все тонкости отношений внутри многочисленной семьи короля, учитывая заодно еще и нескрываемое соперничество с Орлеанской ветвью династии?

Невеста дофина

Мать невесты, императрица Мария-Терезия (1717–1780) из династии Габсбургов, вне всякого сомнения, была выдающейся правительницей, вошедшей в легенду. Дочь Карла VI[8]

[8] Карл VI, между прочим, был свояком царевича Алексея, сына императора Петра I, они были женаты на сестрах, дочерях герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского. Сбежав от отца, Алексей сначала укрылся в Вене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.